

Вика с Машей были одноклассницами. Ничего кроме общего класса их не связывало. Девочки были разными, как внешне, так и по характеру. Маша, с копной густых волос, цвета спелой соломы, выросла в большой семье, а потому особым вниманием со стороны родителей избалована не была. А была она приучена к труду и самостоятельности, с юных лет делая домашние дела наравне со своими сестрами и братьями.

Вика в классе считалась самой красивой девчонкой. Свои русые косы она обрезала ещё в девятом классе, выкрасилась под цвет красного дерева, проткнула уши, и, вставив в них золотые серёжки, явилась в школу. Учителя, глянув на её неподобающий вид, собрали педсовет, на который вызвали Викиных родителей. В школу пришла мать свою равной девчонки и заявила педагогам без всякого зазрения совести:

- Если вам можно стричь и красить волосы, носить золотые серёжки и перстни, почему нельзя этого моей дочери? Виктория у меня уже взрослая. Учится она хорошо, а остальное вас не должно касаться.

Коллектив учителей возмутился, но женщина, гордо вскинув подбородок, покинула кабинет.

- Нам можно носить золотые серёжки и перстни, - невесело усмехнулась учительница математики, - если бы ещё средства позволяли. – Ни в ушах учительницы, ни на пальцах не было золотых украшений.

- А что вы хотели? Один единственный ребёнок в семье, - сказала учительница географии, мать трёх плохо управляемых подростков.

- Все сопли на неё сматывали, - грубо заметил физрук.

Дальше разговоров и возмущений дело не пошло. Никто Вику из школы не исключил, и она, благополучно закончив её в 1984 году, поступила учиться на бухгалтера.

Село, в котором жили Вика и Маша, было немалым. В восьмидесятые годы в нём насчитывалось почти девяносто человек, хотя молодёжь уже и стремилась в города, в поисках лучшей доли. Совхоз при селе держался на двух основных отраслях; полеводческой и животноводческой, и Маша, после школы, пошла работать на ферму дояркой.

- А куда же ей ещё идти? Не в институт же, с суконным рылом, - нагловато усмехалась Вика. – Дочь доярки... Ей и место только на ферме, возле коров. А если ещё в мать свою пойдёт, то и ребятишек штук пять наплодит.

Вика была ужасно горда тем, что у её родителей «хватило мозгов, не наплодить нищеты». Гордилась она даже своим красивым и звучным именем Виктория: это вам не Машка или Дашка какая-нибудь, - язвительно говорила она. – Дарья да Марья – это имена из простонародья.

Имя Иван было тоже из простонародья, но ей так нравился сельский парень именно с этим именем, что на простонародность она старалась не обращать внимания.

Иван Ситников, только-только вернувшийся из армии, тоже устроился на ферму скотником. Обладая музыкальным слухом, парень виртуозно играл на баяне и аккордеоне, мог подобрать любую мелодию на гармошке. Вечерами он ходил в сельский дом культуры на репетиции, так как принимал участие в различных концертах, а после репетиций провожал Викторию до дома.

- Ванечка, - просила его Вика, - поедем вместе со мной в город. Поступи в культпросвет, выучишься на культурную профессию. Может, даже директором дома культуры станешь. Ну, что ты, в самом деле, всю жизнь в скотниках прозябать собираешься?

- Да, образование получить, было бы неплохо, - соглашался с ней Иван. – Да родителям трудно без меня будет. Остальных поднимать надо. Илью в армию проводили, о нём сейчас государство два года заботиться будет. Вера через год школу закончит, мечтает на учительницу выучиться. А там и Борис с Лидой подоспевут.

- Ваня, это же не твои дети, а дети твоих родителей, пусть они о них и думают, пусть заботятся. А тебе о себе подумать надо. Образование получить.

- Отец у меня всю жизнь на гармошке да аккордеоне играет без всякого образования и ничего,- как бы не слыша девушку, сказал Иван.
- Времена, Ваня, изменились. Сейчас человек без образования ничто.
- Ну, это ты хватила лишку. Шахтёры вон в шахту тоже, небось, без всякого образования спускаются. А уголь добывать надо. Стало быть, шахтёр – работа важная и очень нужная. Скотники в селе тоже нужны. Кто-то ведь должен работать и скотником. Ну что ты губки надула, Роза нежная моя?
- Ну и пусть скотником работает кто-нибудь другой. Почему именно ты? – не скрывая своего недовольства, сказала, словно отрезала Вика.

Иван, открыл было рот, намереваясь возразить девушке, но так ничего и не сказал. Он вообще по жизни придерживался правила, что молчание – золото, а потому, лишних фраз старался не произносить.

Они не спеша шли по вечерней улице, а навстречу им шёл высокий худой мужчина, в болтающемся, как на вешалке старом пиджачишке. На его тёмном худощавом лице искрились чёрные проницательные глаза. В свои шестьдесят лет Никодим Поликарпович, казался парню с девушкой стариком. Жил он на краю села, содержал пасеку, собирая целебные травы и слыл в народе колдуном. К нему обращались за помощью односельчане и жители окрестных сёл и деревень. Никодим Поликарпович мог увидеть прошлое, настоящее и будущее любого человека; стоило ему только взять того за руку и подержать в своих ладонях. Иногда сам человек не мог понять, почему на него свалились те или иные несчастья и проблемы, а Никодим Поликарпович видел и понимал даже запредельное, отчего люди его и уважали, и боялись, а некоторые торопливо отводили при встрече глаза. Поравнявшись с молодыми людьми, и, окинув пронзительным взглядом и девушку, и парня, он сказал, словно разговаривая сам с собой:

- Люди резко меняются... Меняется и их отношение друг к другу, но человек, в котором живёт музыка, не может быть плохим.

И пошёл дальше, высокий и прямой, как стержень.

- Ваня, а правда, говорят, что он колдун? – спросила Вика, глядя Никодиму Поликарповичу вслед.

- Вика, ты у меня такая уже большая, а до сих пор в сказки веришь? Ведь колдуны да волшебники только в сказках бывают, - Иван легонько притянул к себе девушку, и коснулся её губ лёгким, невесомым поцелуем.
- Говорят, он может увидеть будущее любого человека, - широко распахнув глаза, горячо заверила парня Вика.

- Значит, он ясновидящий, но никак не колдун. Он же ничего не колдует.

- А давай сходим к нему.

- Зачем, Роза моя?

- Пусть он увидит наше с тобой будущее.

- Наше с тобой будущее, я тебе и сам могу рассказать. Через три года ты вернёшься из города с красным дипломом. Потом мы с тобой сыграем свадьбу. Будем жить в своём отдельном доме. Ты родишь мне чудесного сына и красавицу дочку.

- Елену прекрасную, - рассмеялась Вика.

- Елену прекрасную, - шепнул Иван, и прильнул к губам девушки в долгом страстном поцелуе.

Вика, пылая здоровым румянцем, чуть прикрыла длинными накладными ресницами свои томные глаза, и обняла парня за шею. Её пышная грудь дышала так, словно она шла в гору.

Дома Вику встретила мать неприятным вопросом:

- Ты что с Ванькой Ситниковым встречаешься?
- Не с Ванькой, а с Иваном, - твёрдо заявила дочь.

- Фу ты-ну ты лапти гнуты... Ванька он и есть Ванька. Мне ещё мама моя говорила: что ни Иван, тот дурак, что ни Марья, та бл..ь. Ну, в самом деле, доченька, что ты в нём нашла?

Полюбила гармониста,
заругала меня мать.

Не ругай меня, мамаша,
Развесёлый будет зять, -

дурашливо пропела дочь озорную частушку.

- Мне не развесёлый зять нужен, а богатый. Чтоб тебя и своих детей мог обеспечить. А ты...

- А чё я? Я ничего...

- Видела я, как ты «ничего». Готова прыгнуть на него была, как саранча на зелёный куст.

- Мама, а тебе в голову не приходило, что это любовь?

- Нет, не приходило. Мне в голову пришло, что с твоей стороны это глупость. А как же иначе? В дурака влюбиться может только глупая девчонка. Ну, ничего... вот уедешь в город, там у тебя будет достаточно времени, чтобы забыть этого Ваньку-дурачка и влюбиться в образованного парня.

Но, не смотря на строжайший запрет матери, Вика продолжала встречаться с Иваном. И вот, наконец, настала последняя ночь перед расставанием. Серебристо-белая и лунная, она дышала тишиной и покоем. Девушка утром уезжала в город, а Иван, так и не поступивший учиться, оставался в своём совхозе.

- Грустно, Ванечка! Так грустно, - вздыхала Виктория. Она была столь же красива, как и всегда, только теперь нескрываемая тоска придавала всему её лицу и глазам особую девичью притягательность.

- Ты же не насовсем уезжаешь, - успокаивал её парень. – Роза нежная моя. Самый красивый и прекрасный цветок. А я буду ждать тебя, и с каждым годом любить всё крепче.

Первый год Виктория приезжала в село довольно часто, и каждый раз торопливо убегала на свидание с Иваном. Потом стала приезжать всё реже и реже, и, иной раз, не показывалась парню на глаза. И ему стало казаться, что она избегает его. После окончания учёбы, она вернулась в село не только с дипломом, но и с дипломированным женихом Николаем.

Иван, каждый вечер, встречающий рейсовый автобус, на этот раз немного припозднился. Он торопливо подходил к остановке, когда автобус уже отходил. Викторию, с небольшой дамской сумочкой на плече, он увидел сразу. Рядом, какой-то незнакомый парень подхватывал дорожные сумки и чемодан.

- Вика! – обрадованно крикнул Иван, и, запоздало поняв, что она и этот парень вместе, с ужасом почувствовал, как его губы растягиваются в неуместную улыбку.

- А, Ваня, здравствуй, - мимоходом бросила Виктория. А потом, обращаясь к своему жениху, ласково улыбнулась, - ну, идём, Коля.

Иван стоял и недоумённо смотрел, как его любимая девушка уходит, не оглядываясь, вместе с красавцем женихом. У него больно-больно защемило сердце, как будто он потерял самое дорогое, что бывает только раз в жизни. Виктория уходила, а ему хотелось кричать: Стой! А как же я?! Как же мы?! Я не могу без тебя! Не могу!

Он развернулся и торопливо пошёл, почти побежал по тихой пустой улице. От нагретой земли, от густой лебеды и полыни веяло горечью и теплом. По пути он зашёл в магазин и купил бутылку водки, хотя почти никогда не пил. И не потому, что ему было жалко на выпивку денег, а просто он не понимал, зачем всё это делается. После первых двух стопок он чувствовал, что язык его начинает нелепо путаться, глаза слипаться, ноги подкашиваться и ему становилось от этого неприятно. Наутро у него болела не только голова, а кажется, страдал весь организм. На душе было тоскливо и муторно. На этот раз он закрылся на веранде и залпом выпил полстакана водки. Выпил, опустил голову на

ладони и замер. Так он сидел долго, тупо глядя в пол. Затем тяжело поднял голову и простонал:

- Прощай, Вика. Прощай, моя нежная Роза!.. – и по его щекам покатились крупные слёзы. Он выпил ещё полстакана, поморщился, жадно запил водой и, взяв в руки гармонь, запел:

Я встретил розу, она цвела

И ароматом была полна... -

пел он негромким высоким тенором и неопределённая усмешка играя на его раскрасневшемся лице, таилась в пьяных глазах. Он оплакивал свою недолгую любовь.

Ой, роза, роза, я закричал,
зачем тебя я да не сорвал... -

горько выводил он печальную жалобу несчастного юноши, потерявшего свою любимую. Иван закрыл на минуту глаза – так сильна была охватившая его, помимо воли, грусть о самом себе.

Шипов колючих боялся я,
теперь уж, роза, ты не моя... -

стонал, тосковал и рыдал Иван. Было в его песне всё; и тоска по утерянной любви, и плач по неверной, но любимой девушке, и страх одиночества. Вся боль его души излилась в этой его безутешной исповеди. Заканчивая песню, Иван увёл её очень высоко, и на этом утончившемся рыдающем звуке она отлетела. Зубы его, стиснувшись, уже не разжимались, голова набухла, будто по ней били чем-то мягким, но тяжёлым.

Осоловевшие глаза бессмысленно смотрели в одну точку, и только горькая мысль жила в нём неотвязно: Вику, Викторию, свою нежную Розу он потерял навсегда. Навсегда... Забывшись на три часа коротким тревожным сном, Иван проснулся. За окном веранды было ещё светло. Долгий июньский вечер догорал медленно. В голову вернулась всё та же неотступная мысль: Вика принадлежит другому.

- Нет, нет, - забормотал он торопливо, словно помешанный. – Я не могу этого допустить, чтобы Вика... моя Вика... Я убью её! Прямо сейчас, пойду и убью. Сегодня вечером она ужинала в последний раз. А этот... Коля... овдовеет, так и не успев жениться.

Это обстоятельство почему-то рассмешило Ивана, и он засмеялся. Смеялся он долго и всё никак не мог успокоиться. «Как странно... Я сейчас пойду и убью человека, потом убью себя, а всё остальное останется, как было. Мир и люди будут по-прежнему существовать. Только не будет меня и Вики. Будем ли мы вместе там, на том свете? А есть ли он вообще, тот свет?» От этой мысли Ивану снова стало смешно. Он захохотал громко и даже радостно, не замечая, какими неестественными были и эта его радость, и смех, и озорное веселье. Ему и в голову не приходило, что это лишь заглушённое отчаяние. Жизненный инстинкт схватился в невидимой борьбе с явно утвердившейся мыслью о смерти.

Откликом этой борьбы и был истерический смех Ивана.

Укрепив волю водкой, и прихватив со стола нож, он пошёл выполнять задуманное. Шёл он твёрдой походкой, и редкие прохожие, встречавшиеся на его пути, не могли даже подумать, что он основательно пьян. Встретив возле Викиного дома соседскую девочку, Иван попросил, чтобы та зашла и вызвала её на улицу.

- Хорошо, - кивнула девочка головой и забежала в ограду.

Иван же, собираясь с духом, и, поджиная девушку, несколько раз прошёлся около калитки. Его бросало то в жир, то в холод. Рука нервно сжимала в кармане рукоять кухонного ножа. Вика вышла к нему, как всегда потрясающе красивая и благоухающая дорогими французскими духами. Не поздоровавшись, она остановилась напротив парня, не доходя до него примерно три шага. Они стояли и молча смотрели друг на друга.

Молчание затянулось. Иван не решался нарушить его вопросом или резким движением. Что-то заставляло его задерживать дыхание, прислушиваясь к биению сердца и к мучительно тяжёлому состоянию оцепенения.

По пути сюда Иван представлял себе эту встречу совсем иначе. Должна была произойти драматическая, напряжённая сцена: он и Виктория с глазу на глаз... короткий разговор...

взмах руки с ножом... испуг в её глазах и вскрик боли... кровавая рана под пышной грудью. Потом Иван вонзает холодное оружие себе в горло, в ямочку под кадыком, а струйка крови стекает по его груди, вниз к животу...

Ничего подобного не произошло.

Иван стоял на месте и во все глаза смотрел на девушку, которую собирался убить. В памяти всплыл один чудесный летний вечер; он провожал Вику до дома, а мимо проходил Никодим Поликарпович, который сказал тогда так: люди резко меняются... Меняется и их отношение друг к другу, но человек, в котором живёт музыка, не может быть плохим. «Неужели он тогда увидел наше будущее, и понял, что мы никогда не будем вместе»? В спокойствии и рассеянности Ивана было что-то жуткое, но Вика ничего этого не замечала. Выдержав театральную паузу, она нетерпеливо спросила:

- Ну, чего тебе?

Иван точно очнулся. Он вздрогнул, облизнул губы, но ничего не сказал. «Теперь самое время, - подумал он, приблизившись к девушке вплотную. – Пора»!

Влажные пальцы крепко сжали в кармане рукоятку ножа. В голове не было ни одной связной мысли.

- Иван, - позвал его в ту же секунду недоумённый девичий голос.

Он резко повернулся и увидел Машу.

- Что ты здесь делаешь? Тебя Вера повсюду ищет, - сказала она, делая вид, что не замечает насмешливо искривлённого рта Вики.

Парень только глазами повёл, как бы говоря: не понимаешь, ну и не лезь.

Но Маша как раз всё поняла. Она заметила в его кармане нож, а вот в лице его не заметила и тени страха, а только боль, стыд и решимость убить или умереть самому. Девушка медленно и бесшумно подошла к Ивану, слабо освещённая последними косыми лучами огромного, сплющенного у горизонта солнца.

- Пойдём, я провожу тебя до дому, - и подхватила его под руку.

- Иди, Ваня, иди, - усмехнулась Вика. В её голосе явно прозвучала издёвка и недовольство вмешательством Маши.

Маша действовала решительно, уводя Ивана от его бывшей невесты всё дальше и дальше. Он покорно шёл и презирал себя. Пожалуй, ещё никогда в жизни он не презирал себя так, как в эти минуты. Все его сумбурные мысли о мщении и самоубийстве были только иллюзией. А всё его молодое и здоровое существо с ожесточённым отчаянием цеплялось за жизнь.

Маша распахнула дверь и на них уставились сразу несколько пар настороженных глаз. Брат Илья, вернувшийся из армии ещё год назад, ничего не сказал. Соблюдая мужскую солидарность, ничего не сказал и Борис. Зато четырнадцатилетняя Лида спросила:

- Ваня, ты пьяный что ли?

- Хорошо, что родителей дома нет. Вовремя они в гости убрались, и не видят этого безобразия, - заметила Вера.

Она проучилась в педагогическом уже два года, и вела себя как «настоящая учителька». Но по хмуруму взгляду Ивана она поняла, что могла бы оставить это замечание при себе.

- К себе пойду, - мрачно буркнул Иван и вышел, громко хлопнув дверью.

- Его покормить надо, - сказала Маша. – Желательно горячим супом.

- Сейчас борщ разогрею, - сказала Вера. – А вы чего здесь столпились? Тоже к себе идите. Когда сестрёнка и братья ушли в свои комнаты, она усадила Машу на стул и горячо зашептала:

- Что делать собираешься?

- В каком смысле? – не поняла та.

- Я ведь вижу, что ты к нему неравнодушна. Любишь его?

- Люблю, а что толку, - почти со стоном произнесла Маша.

- Конечно, не будет никакого толку, если ты ничего не будешь делать. Начинай действовать, пока он в глубоком трансе. Клин-то, говорят, клином вышибают.

- Ну и что я могу сделать?

- Иди, корми его борщом, а там... действуй по ситуации, - напутствовала её Вера, отправляя к брату.

Маша вошла на веранду с подносом в руках, на котором стояли две тарелки с салатом, горкой лежал нарезанный хлеб, и ароматно парила тарелка с борщом. Увидев её, Иван ткнулся в угол дивана, как бы намереваясь спрятаться от чего-то страшного и неотвратимого. Девушка расставила на столе тарелки и спокойно сказала:

- Поешь, думы потом думать будешь.

Белолицая, с большими красивыми, располагающими к доверию глазами, она села за стол и принялась деловито уминать салат. Глядя на неё, Иван вдруг почувствовал, что он жутко проголодался. Он подсел к столу и съел тарелку борща.

- Пока салат кушаешь и чайник вскипит, - сказала Маша, включая электрический чайник в розетку.

- Спасибо, я как-нибудь сам управлюсь. Можешь идти домой.

- Поздно уже, ночь на улице. А я темноты боюсь.

- Понял, провожу.

- Ничего ты не понял, - негромко произнесла Маша. – Я не пойду домой. Я здесь останусь... с тобой.

- Тебя Вера об этом попросила? – предположил удивлённо парень.

- Никто меня не просил. Сама так решила. Вставай с дивана, разбирать его буду.

Когда Иван, крайне удивлённый, послушно поднялся с дивана, Маша раскинула его, застелила простынёй и сняла с себя платье. Иван, чтобы не видеть её хрупкого обнажённого тела, отвернулся. Маша легла в постель, закрылась лёгким одеялом и сказала:

- Если не собираешься пить чай, ложись спать. Завтра на работу раным-рано подниматься.

- Чё это я не буду пить... буду, - пробубнил он невнятно и налил себе кружку чая.

Выключив электричество, Иван швыркал чай в потёмках не спеша и долго, погрузившись в свои раздумья. Маша, сделав вид, что уснула, сладко засопела. Тогда он тихонько разделся и лёг, отвернувшись к стене. Вскоре он уснул. Повздыхав немного и, всплакнув в подушку, уснула и Маша.

Проснулась девушка, по привычке рано. Когда июньское солнце только-только выкатилось в бескрайний небосвод, хлестнуло лучами по деревьям, и, пав на землю, заиграло густыми насыщенными красками. Маша торопливо оделась и убежала на дойку. Почти следом за ней вышел Иван, он тоже спешил на ферму.

Вечером Вера пришла в клуб, и, отыскав Машу, сказала:

- Выйдем, пошептаться надо.

Когда девушки вышли на воздух, Маша, как бы нехотя, произнесла:

- Ну?

- Это у тебя надо спросить «ну»?

- А ничего не было, Вера. Ни-че-го. За целую ночь даже не прикоснулся ко мне.

- Сегодня придёшь?

- Зачем? Я не хочу унижаться. Да и что я ему скажу? Здравствуй, Ваня, я пришла. А повода для моего прихода нет.

- При желании повод всегда можно найти. И повод, и слова... Пойдём прямо сейчас.

- Не могу я, Вера.

- Можешь, - Вера решительно подхватила Машу под руку и повела к себе домой. Вернее сказать, не к себе, а к Ивану. – Завтра в обед родители приезжают. Хорошо бы вам до их приезда договориться.

- О чём договориться?

- Не глупи, сама знаешь о чём. Он у себя на веранде, заходи прямо к нему.

Из-за закрытой двери веранды слышалась какая-то грустная мелодия, Иван играл на аккордеоне. Маша зашла и села на стул около стола. Парень сидел на диване. Подняв голову, и, мельком глянув на девушку, он спросил:

- Пришла?
- Пришла. – В платье с кружевным воротником, девушка выглядела скромницей из скромниц. – Спросишь, зачем?
- Понял, не дурак.
- Понял, что я... люблю тебя?
- Типа того, - вздохнул парень, и, склонив голову над инструментом, продолжал играть свою грустную мелодию.

Маша чувствовала себя неуютно. «Зачем пришла? Нечего мне здесь делать». Одна часть её разума была тревогу, но другая половина, упрямая и властная отказывалась уходить.

- Ваня, не лишай меня последней надежды, - тихо попросила девушка.

- На что?

- На наше совместное будущее.

Она встала, подошла к парню и положила на аккордеон свою ладонь. Мелодия стихла и она убрала инструмент в сторону. Потом села рядом и решительно прижалась своими губами к его губам.

- Дурочка, - хмыкнул Иван, - не так...

Он обвил её тонкую талию руками, полураскрыл губы и стал целовать. Целовал он её долго, и так, словно хотел похвастаться своим зрелым искусством. У Маши кровь огнём разлилась по жилам. От нового неизведанного чувства спирало дыхание. Она наслаждалась не только поцелуем, а ещё своей маленькой победой, со смешанным чувством радости и испуга. Она знала, чувствовала, что именно Иван был нужен ей, его она ждала и жаждала с восьмого класса.

Набравшись храбрости, она начала расстегивать на нём лёгкую безрукавную рубашку. Он поймал её руки и легонько стиснул:

- Шла бы ты, Маша, домой, - сопротивляясь вспыхнувшему желанию, попросил парень.
- Не пойду, - шепнула девушка, и продолжила расстегивать пуговицы.

Слабая мысль о сопротивлении, возникшая где-то на дальнем краю сознания парня, бесследно улетучилась, уступая место охватившему его порыву. Его слабый вздох, красноречиво свидетельствовал о его полной капитуляции.

В начале сентября Виктория с Николаем сыграли свадьбу, и девушка стала обладательницей звучной фамилии – Громова. Через две недели отгремела свадьба и у Марии с Иваном. Молодым семьям совхоз выделил жильё в просторных новых домах. Улицу, из двух рядов домов, тянувшуюся вдоль широкой дороги, выстроили совсем недавно, и улица эта получила название «Новая». Так получилось, что Громовы и Ситниковых стали соседями. Как-то Иван, выйдя из калитки, заметил Николая. Тот тоже заметил его, и, подойдя, протянул руку.

- Здравствуйте, сосед. Меня зовут Николаем.

Иван нехотя пожал протянутую руку, но ничего не сказал.

- А вас... Иваном зовут?..

- Раз знаешь, зачем спрашиваешь? – грубо осведомился Иван.

- Сразу переходим на «ты»? Замечательно. Будем дружить по-соседски.

- Может, и будем, а может, и нет, - пожал плечами Иван, и пошёл по своим делам.

Дома Николай рассказал жене про странного соседа.

- Коля, с кем ты дружить собрался? С этим скотником грубияном? У вас и общей темы для разговора не найдётся. Ты у меня человек образованный, можешь говорить о чём угодно, а он, кроме своих коров и знать ничего не знает. Так что не обращай на него внимания. Бабушка моя ещё говорила: что ни Иван, тот дурак, что ни Марья, та б..дь. Николай, по совету жены, перестал обращать на соседа внимание, и никакой соседской дружбы между ними не возникло.

В 1988 году в обеих семьях родились сыновья; Сашка Громов и Серёжка Ситников. Через три года Мария и Виктория ждали дочерей. Только Виктория настояла на том, чтобы муж увёз рожать её в областной, новый перинатальный центр.

- В свой роддом я больше не поеду, - заявила она. – Наши припадочные акушерки чуть не кончили меня. Я чуть не умерла во время родов.

Николай не стал спорить с женой и увёз её рожать в областной город, где она благополучно родила дочь Леночку. Но как же она была неприятно удивлена, когда приехав домой, узнала, что соседка Мария тоже назвала свою новорожденную дочь Еленой. Возмущению её, казалось, не было предела.

- Как эта Машка посмела, назвать свою девчошку нашим именем? Эта колхозница, эта нищебродка...

- Викулик, милая, успокойся, - увещевал её муж. – Мы же не можем им запретить называть своих детей, как им хочется.

- Будь моя воля, я бы запретила, - возмущённо выкрикивала Виктория. – Я бы издала такой указ, чтобы детей совхозников и всяких там техничек, называли Дуньками, Маньками да Акулинками. Пусть бы плодили Стёпок, Гришек да Марфушек, самое то для них. И все бы по именам знали, что это низшее сословие.

- А себя ты причисляешь к высшему сословию? Викулик, ты не права, - спокойно возражал ей Николай. – Не имя красит человека, а наоборот, человек – имя. А если, по сути разобраться, ты такая же совхозница, как и Мария.

- Ты меня с этой Машкой не равняй, - взвизгнула Виктория, оскорблённая этим сравнением. – Я бухгалтер... Мой кабинет находится в дирекции совхоза, а эта доярка на ферме пучкается... по уши в навозе. А так ей и надо, коли не хватило мозгов, образование получить.

В самом начале супружеской жизни Николай добродушно посмеивался над порицаниями своей жены, но теперь ему всё чаще становилось не до смеха. Он помнил, как они познакомились. Какая она была воздушная! Тоненькая, стройная, лёгкая и быстрая. Полюбил он её, казалось, сразу, в один миг, встретившись с ней глазами на танцплощадке. Потом они танцевали медленный танец, тесно прижавшись друг к другу, так как танцплощадка была переполнена. Теснота и оглушительный шум превратили танцы в сомнительное удовольствие, и Николай, взяв её за руку, повёл сквозь толпу к выходу. На улице было прохладно и тихо, и они гуляли по ночному городу. А затем... всё случилось само собой. Воздушная девушка Вика горячо заверила его: «Коля-Николай, мы теперь с тобой навечно».

Но разве можно теперь назвать её воздушной? За девять лет супружеской жизни Виктория стала совсем другой. И эта другая Виктория пришла как-то незаметно, как иногда незаметно где-нибудь в тёмном сыром углу заводится плесень. Прежнюю Викторию – интересующуюся общественной жизнью – как будто кто-то вытряхнул из её хрупкого тела и вселил другую, которая интересовалась уже только одним – деньгами и вещами. Сравнивая своё положение с людьми, занимавшими более высокие должности, и получавшими более высокие зарплаты, она испытывала зависть, почти стыд. Она чувствовала унижение от того, что другие жили богаче. Она почти каждый год меняла в доме обои и покупала новую современную мебель. Чешская полированная стенка ломилась от фарфоровой и хрустальной посуды.

- Зачем тебе эта ваза и сервиз?! – удивлённо воскликнул Николай. У тебя уже есть сервиз и две вазы.

- Но эта ваза не такая. Коля, ты ничего не понимаешь. Ты думаешь, что я что-то купила? Нет, когда мы будем богаты, я столько-столько всего накуплю, - Виктория развела руки, как бы обнимая весь мир.

И вскоре Николай перестал о чём-либо думать. За него думала и принимала решения жена. А ведь шли уже тяжёлые девяностые годы.

1996 год. Совхозникам перестали платить заработную плату. Многие семьи, в том числе и Ситниковых, жили впроголодь. А вот в семье Громовых о голоде не говорили да и в каком-то смысле почти и не знали. Их дети Санька и Леночка жили почти как при коммунизме, а их соседи, одноклассники сына и многие односельчане голодали. Возле кирпичного двухэтажного здания дирекции часто толпился народ. Совхозники требовали, чтобы им отдали хоть какую-то часть от заработанных денег, так как зарплата рядовым совхозникам не выплачивалась уже давно. После обеда, из дирекции вышла круглоголицая женщина доярка.

- Ну, что дали? – спросила её Мария Ситникова.

- Как же... дадут они. У директора один ответ: в кассе нет денег, - резко жестикулируя, начала рассказывать про свой визит в бухгалтерию женщина. – Да не отобедали они ещё, сидят, кушают. А на столе-то, бабоньки, чего только нет. И торт, и конфеты шоколадные, и пирожки, и арбуз нарезанный. А Виктория Громова толстенную пачку новеньких купюр в свой кошелёк укладывает. Меня увидела, глазами недовольно зыркнула, деньги кое-как в кошелёк затолкала, а мне говорит:

- Глухая, что ли? Не слышала, тебе говорят: в кассе денег нет.

- Опять все деньги по себе растащили, – стали возмущаться женщины.

- Эти-то уж точно без денег не живут. Бухгалтерия она всегда около начальства отирается.

- А Громовы-то... Миллионеры. Ну, ей-Богу, миллионеры.

- Марья, ты с ними в соседях живёшь – грабани.

- Да ну их, руки ещё об них марать, – вздохнула Мария. – Детей не знаю, чем кормить.

- А мы знаем? – шумели женщины.

- Ни стыда у них, ни совести. Сроду такого не бывало. Свои, кровно заработанные, выходить не можем.

- А Вика-то, Вика... вот наглячка...

Но тот семейный ритм жизни, который задавался в доме Викторией, и та общая атмосфера достатка, довольства и благополучия, не позволяла Громовым глубоко проникнуться чужими бедами.

Ещё лет десять назад Иван Ситников, сам того не замечая, не мыслил своего будущего без Виктории и не представлял разлуки. Он очень тяжело пережил разрыв со своей нежной Розой. Но оказавшись в необычной ситуации – живя с ней по соседству – он словно преодолел какой-то невидимый психологический барьер. Он смотрел на неё совершенно сбитый с толку, пытаясь найти в ней девушку, в которую когда-то был влюблён. Он увидел её совершенно другими глазами и довольно быстро и почти безболезненно привык к мысли, что она принадлежит другому мужчине. По-прежнему яркая и красавая, она одевалась ультра-модно даже в эти тяжёлые времена. А вот его жена Мария донашивала всё то, что осталось ещё от девичества. Чтобы ходить на ферму зимой, она купила себе тёплые суконные бурки, которые, продвинутые девчонки называли «прощай молодость» и не носили их из принципа. Но Марии они были кстати, на моду она не претендовала.

Сейчас, в жаркий июньский день, она шла в резиновых калошах на босу ногу. Кто-то из женщин посоветовал ей зайти к Громовым и спросить денег в долг.

- Денег, в долг? – удивилась Мария.

- Да, а что здесь такого-то? Вика твоя одноклассница и соседка. Авось, не откажет...

- А когда же я ей потом долг верну? Она же знает, что денег у нас нет, и отдавать нам нечем.

- Вот она потом зарплату тебе и выдаст. Глядишь, заодно и нам перепадёт.

- А нам-то с какого боку?

- А я первая бузу подниму, скажу: Ситниковой дали, давайте и мне.

- Деньгами директор распоряжается, – поправляя на голове платок, сказала рябая толстая женщина.

- Ой, ли! Будто не знаешь, что Вика у него в любовницах ходит. Вертит им по своему усмотрению.

- Тю! Любовница! А не громко ли сказано? Подстилка она толстозадая. А ты, Марья, всё равно зайди к ней, спроси.

- Попытка не пытка, спрос не беда.

- Хорошо, зайду, - вздохнула Мария.

Вскоре она ушла на вечернюю дойку, а вернувшись, умылась, переоделась в чистое платье и собралась идти к Громовым.

- Маша, ты далеко собралась? – спросил её Иван, вываливая из кастрюли в глубокую тарелку картошку в мундире. – Сейчас ужинать будем.

- Да я до Громовых дойду, - созналась жена, рассказав ему о небольшом женском заговоре.

- Не ходи, не унижайся, - тихонько, чтобы не слышали дети, попросил Иван.

- Схожу, спрошу, в лоб не ударит, да и... женщинам обещала.

Войдя в ограду соседей, и, глянув через невысокий штакетник, она так и замерла: на чернозёме, старательно устланном не то толем, не то рувероидом, красовались ковры тёмно-зелёных листьев, а под листьями лежали крупные ягоды. Они лежали и так и эдак, показывая то свои беловатые носики, то ядрёно-красные бока.

- Красота-то какая! – тихонько ахнула Мария. – «И я бы смогла вырастить такое чудо, да только времени всё не хватает. Ферма отнимает всё моё время. Ферма... будь она неладна. Вкалываешь, вкалываешь, как проклятая и денег не видишь». Она ступила на невысокое, из трёх новых ступенек крыльца, и вошла в дом.

Громовы собирались ужинать. На столе виднелась, ловко нарезанная, селёдка в масле с луком, нарезка из свежих огурцов, жареная картошка, пирожки, а на десерт зефир в шоколаде.

- Добрый вечер, соседи, - улыбнулась Мария.

- Добрый вечер, Маша, - искренне улыбнулся в ответ Николай. Виктория, поджав губы, промолчала.

- Ох и хороша у тебя на грядках клубничка, - обращаясь к хозяйке, сказала Мария.

- Этот сорт ягод называется «Виктория», - сухо отозвалась та.

- Ну, прямо как хозяйку дома, - Мария продолжала заискивающе улыбаться.

- Да, - коротко бросила Вика.

Обе замолчали, и, чтобы не затягивать паузу, Мария обратилась к соседке со своей просьбой:

- Вика, выручи, дай пять тысяч в долг.

- В долг?! – Викины брови изогнулись дугой. – А ты когда отдашь?

- Отдам когда-нибудь. Когда зарплату дадут.

- Да когда её дадут-то? – спохватилась Вика, и, изображая расстройство, вздохнула. – Сами без денег живём. Мама постоянно выручает.

- Ну, извини, - кротко сказала Мария и вышла.

На ягоды она уже не взглянула, глаза застилали жгучие слёзы стыда и обиды, которые, двумя быстрыми потоками хлынули по щекам. Она торопливо вытирала их рукой, но они всё бежали и бежали. Войдя в дом, она услышала притворно-восторженный голос мужа:

- Эх, хороша картошечка в мундире! Какая же она чудесно-ароматная. Вот она – лопнула, рассыпалась, развалилась. Бери, доченька, да не обожгись.

- Мама, где ты ходишь? – радостно крикнула дочка. – Садись картошку кушать.

- Да-да, доченька... уже сажусь.

Иван, глянув в мокрые глаза жены, ничего не сказал.

- У Лены через три дня день рождения, - посмотрев на родителей серьёзными глазами, сказал Серёжа. Пять лет исполнится.

- Пять лет, - растопырила свою ладошку Лена.

- Что мы опять картошку есть будем, - допытывался Серёжа.

- Ну... - как-то неуверенно произнёс отец, - не знаю, может, и опять картошку.

- Праздник ведь. В праздник торт едят и яблоки. Сюрпризы готовят, подарки дарят, - с необъяснимой обидой за сестрёнку, говорил восьмилетний мальчик, вспоминая свой день рождения без сюрпризов и подарков. Правда, приходила бабушка, принесла два пряника и четыре конфетки, а им и то радость была.

- Не знаю, Серёженка, не знаю, - вздохнула Мария, старательно пережёывая картошку, которая уже никак не лезла ей в горло.

На следующий день, когда родители ушли на ферму, Серёжа с Леной играли около дома. Через забор, из-за штакетника, на них глазели соседские ребятишки. Наконец, не выдержав, они вышли из своего наблюдательного пункта и подошли к Ситниковым.

- Здорово, Серёга, - солидно поздоровался Саша, сияя загорелой улыбающейся физиономией.

- А, Санёк, здорово, - дружелюбно отозвался Серёжа.

- Пойдёмте к нам в ограду играть, - предложил Саша. – Нам папа вчера, такую качель отгрожал. Покачаемся.

- Ну, не знаю, - неуверенно пожал плечами Серёжа. – Леночка, ты пойдёшь?

- Пойду, - радостно вспыхнула девочка, и стала походить на белокурую куколку.

Они все вчетвером вошли в ограду Громовых. Серёжа с Леной, увидев за низеньkim забором из штакетника крупные ягоды, так в изумлении и застыли.

- Ого, сколько у вас ягод! – восторженно сказал Серёжа.

- А чё вы их не едите? – задала наивный вопрос Лена.

- А, неохота, - Санька беспечно махнул рукой, и добавил, - наелись уже. А вы, если хотите, ешьте.

- А можно? – настороженно и недоверчиво спросил Серёжа.

- Залазь и рви, сколько хочешь, - подтвердил свои слова Саша.

- А ваша мама не заругается?

- А, до лампочки.

Серёжа не понял, что значили эти слова, но переспрашивать постеснялся. Вместо этого, он посмотрел на сестрёнку и спросил:

- Ты хочешь ягод?

- Хочу, - честно ответила девочка.

Тогда её брат, быстро перелез через невысокий заборчик и стал рвать ягоды. Сорвал три штуки, а ладонь уже полная. Такие они были большие.

- На, Леночка, кушай.

Две крупные ягоды он отдал сестрёнке, а третью, меньшую размером, съел сам.

- Вкусно?

- Вкусно, - Лена первый раз в жизни ела такое лакомство, а потому, просто сказала, - ешё дай.

Серёжа сорвал ей несколько штук, поел сам, а потом они пошли качаться на качелях.

- Ой, какая ты чумазая! – воскликнула Лена Громова, и рассмеялась так заразительно и громко, что мальчики рассмеялись вместе с ней, в том числе и чумазая Лена Ситникова. Лицо сестрёнки Серёжа умыл и посадил её на качели. Так они играли у Громовых весь день. Санька вынес из дома пирожков, соку и печенья, и сказал:

- Сейчас мы устроим пикник.

Ребята расстелили на траве старое покрывало, и сели есть. Всем было радостно и весело.

Мальчикам нравилось, что их сестрёнок зовут одинаково.

- Леночка, - говорил кто-нибудь из них.

- Чё? – откликались обе девчушки, а Саша и Серёжа задорно и заразительно смеялись.

Ситниковым пора было уходить домой, но Лена попросила ещё ягод. Серёжа глянул на Саньку вопросительно.

- А -а, рви, - разрешил тот.

Серёжа быстро перемахнул через заборчик и стал рвать ягоды. Две штучки он успел подать сестрёнке и она начала их есть. Тут на глаза ему попалась очень крупная ягода, и только Серёжа успел сорвать её, как в ограду вошла хозяйка дома.

- Кто разрешил тебе сюда войти и рвать ягоды? – Строго, глядя на мальчика сверху вниз, грозно произнесла женщина.

Мальчишка, стыдясь за свой поступок, бросил быстрый взгляд на Саньку, но ничего не сказал.

- Мама, я разрешил ему, – смело начал говорить Санька, но вдруг сник под материнским взглядом, и промямлил уже совсем тихо, – сорвать одну ягоду. Ведь не жалко, правда?

- Одну? Не жалко. А он, сколько сорвал? А она, сколько уже слопала?

Злополучная ягода всё ещё была в руке у мальчика. Вторую, от испуга, раздавила в своём кулачке Лена, а её перепачканный рот красноречиво говорил о съеденной ягоде. Серёжа с болью заметил, как от испуга и обиды исказилось лицо сестрёнки. Она часто-часто заморгала, но заплакать побоялась.

- Мама, – попытался вступиться за неё Санька, но осекся под тяжёлым взглядом матери и замолчал.

Дети уже знали, что их мать была очень жестокой в гневе и совсем не отдавала отчёта в своих поступках. Она могла ударить не только своего собственного сына, но и чужого.

Серёжа, перебравшись через заборчик, и, не зная, куда деть ягоду, протянул её Виктории.

- И ты думаешь, что я возьму её от тебя? От грязного... ушлёнка...

Серёже очень хотелось по-мальчишески надерзить этой надменной, пропахшей дорогим парфюмом тётке, но он взял себя в руки и негромко сказал:

- Пойдём, Леночка.

Пройдя несколько шагов, он обернулся и швырнул ягоду, которая уже начала плавиться в его горячем кулачке. Ягода долетела до Виктории и шмякнулась к её ногам.

- Ах ты... гадёныш, – прошипела она со злостью.

Уже выйдя из калитки, Серёжа услышал, как соседка кричала на своих детей:

- Я запрещаю вам пускать этих оборванцев в дом. Я запрещаю вам играть с ними. Ишь, чего удунал, ягоды, собственной рукой...

Дома Лена плаксиво сказала:

- Я всё маме расскажу.

- Не надо, Леночка, не рассказывай, – попросил её Серёжа. – Я ведь сам рвал эти ягоды... собственной рукой. Наша мама тоже ругаться будет.

Леночке вдруг стало жаль своего брата из-за того, что на него накричала соседка да ещё может накричать и мама, она перестала плакать и обвила его шею руками.

- Я не скажу, Серёжа, не скажу, – пообещала она, прижимаясь к нему.

Это было не только примирением брата и сестры, это было каким-то тайным заговором, от которого у Серёжи полегчало на сердце.

Дома Виктория ещё раз отчитала детей и строго-настрого запретила им «водиться с этими неумытыми оборванцами». Утром она, как обычно, ушла на работу, а детей отправила к бабушке. Вечером она, собрала лучшую ягоду на варенье, а оставшуюся на кустиках, густо полила отравой. Детям она спокойно сказала:

- Ягоду с грядок не рвать, я её обработала, – а про себя подумала: «а если эти голодранцы наедятся – получат по заслугам. Будут знать, как по чужим огородам лазить».

День рождения Лены Ситниковой пришёлся на субботу. Но родители, как всегда, встали рано и собрались на ферму. Коровы выходных не признавали; их в любой день надо было кормить, поить и доить. Серёжа сонно открыл глазки, сладко потянулся, перевернулся на другой бок, но заснуть беззаботным детским сном ему не дала мысль о дне рождения сестрёнки. Он встал с постели.

- Куда такую рань собрался? – ласково спросил отец.

- Выспался, – буркнул сын и стал натягивать штанишки.

Отец торопливо ушёл на ферму, а мальчик, раздумывая о сюрпризе для Лены, зашагал в сторону озера. Ещё не сошла рассветная синева тумана. На озере громко горланили утки, тревожно призывая своих детишек не отлучаться от матерей далеко и надолго. Серёжа зашёл на деревянный шаткий мостик, уселся, и, подтянув худенькие коленки к подбородку, крепко задумался. Из камыша, на спокойную водную гладь выплыла утка. Следом за мамой уткой появились утятка. Они были как маленькие золотистые шарики. Тревожно оглянувшись, они начали шнырять, забавно ныряя, перепрыгивая через листья кубышек. Мать утка настороженно посматривала во все стороны, готовая в любую секунду дать своим деткам предупредительный сигнал: прячьтесь...

Серёже в голову пришла не очень хорошая мысль, но, так как других идей в его голове не возникало, он решил остановиться на этой. Сходить к соседям, и, пока хозяева спят, нарвать для сестрёнки ягод, ведь они ей так понравились. «А что тут такого? – оправдывал он свой неблаговидный поступок, – они их всё равно не едят». Он быстро, пока окончательно не взошло солнце, прихватив из дома глубокую салатницу, озираясь, вошёл в ограду Громовых. Было тихо и спокойно, только громко, от волнения и страха бухало Серёжино сердце. Он склонился над ягодами и стал быстро-быстро рвать их. Наконец, салатница наполнилась и он торопливо убежал домой.

Вскоре сестрёнка проснулась и он, радостно улыбаясь, протянул ей салатницу с клубникой.

- С днём рождения, Леночка!
- Ой! – изумлённо воскликнула девчушка. – Ягодки!
- Пойдём сначала умоемся. Ты наденешь платье, вот смотри, какое нарядное платье тебе мама приготовила. Потом я заплету тебя, ты позавтракаешь и примешься за ягоды.
- Не хочу завтракать, хочу ягоды.
- Ну, хорошо, хорошо, – солидно, на правах старшего брата, согласился Серёжа.

Когда умытая Лена, с двумя неумело заплётёнными косичками, и в свежем чистом платье, принялась уплетать ягоды, Серёжа сидел и ласково смотрел на неё.

- На, Серёжа, – Лена протянула ему крупную клубничку.
- Спасибо, Леночка.
- Пазалста...

Из всей салатницы Серёжа съел всего три ягоды, остальные, причмокивая от удовольствия, и строя уморительные рожицы от кислинки, съела Лена. Через час, Серёжа позвал сестрёнку завтракать. Он налил два стакана молока, почистил два варёных вкрутую яичка, выложил на стол небольшой кусок хлеба, разделил пополам. Но Лена, едва изжевав половину яйца, есть отказалась. Она стала вялой и неразговорчивой.

- Леночка, что с тобой? – забеспокоился Серёжа.
- Живот болит, – пожаловалась она.
- Может, полежишь?
- Да.

Девочка легла на диван, и, судорожно вздохнув, закрыла глазки. Серёжей овладело смутное беспокойство, что Леночке стало плохо из-за ягод, но он гнал эту слабую, едва пробивавшуюся в его сознание мысль прочь. «Полежит немного и ей полегчает, – успокаивал он себя. – А потом и родители придут».

- Мама, – простонала сестрёнка. – Маму хочу.
- Мама скоро придёт, ты потерпи. Чуть-чуть потерпи.

Но вскоре Лене стало совсем плохо. Она стала метаться на диване и охать, и громко стонать, и Серёжа перепугался не на шутку. Он выскочил из дома и побежал к соседям. У Громовых был стационарный телефон.

- Тётя Вика, – выпалил он с порога, даже не поздоровавшись. – У Лены живот болит, позвоните пожалуйста в больничку.
- А чё это у неё живот-то болит? Съела что-то?
- Не знаю, – потупился Серёжа и густо покраснел.

- Ну, ладно, иди.

Мальчик быстро убежал домой, а Виктория, села смотреть телевизор.

- Мама, а в больничку позвонить? – подошёл к ней с вопросом Саша.

Мать откинулась на спинку кресла и спросила с кислым выражением на лице:

- Зачем?

- Леночке же плохо. У неё живот болит.

- У нашей Леночки ничего не болит, а ту девчонку не смей называть Леночкой. Никакая она тебе не Леночка.

- Но... у неё же... живот болит...

- Ничего с ней не случится. Продрищется, - резко и грубо сказала мать, окончательно рассердившись.

Саша отошёл от неё, а вскоре незаметно улизнул из дома. Он прибежал к Ситниковым и негромко спросил у Серёжи:

- Ну, чё, как она?

- Плохо, - ответил тот.

- Леночка, где у тебя болит? – спросил Саша. – Животик болит, да? – и протянул к животу девочки руку.

Лена скривила лицо и тихо, безнадёжно выдохнула:

- Мама! – глаза её были широко открыты и сверкали влагой, а ладошки она вытянула перед собой, не давая Саше прикоснуться к себе.

- Не буду, не буду, - поспешил заверить её Сашка и отдернул руку.

- Ты потерпи немножко, скоро тётя врач придёт и даст тебе витаминку, и у тебя всё пройдёт,

- вдохновенно врал ей Серёжа.

- Врач не придёт, - вздохнул Саша. – Мама в больничку не позвонила.

- Как... не позвонила?! – воскликнул Серёжа. – А что теперь делать?

- Надо самим до больницы добежать.

Серёжа уставился на сестрёнку. Она приподняла белокурую головку, и смотрела на него лучистыми глазами, в слезах, и слабо, со стоном повторяла:

- Мама... мама...

- Ты пойдёшь со мной? – спросил Серёжа у Саньки, глянув на него с надеждой.

Фельдшерско акушерский пункт находился на другом краю села и бежать до него было далеко, и Серёже не хотелось бежать одному.

- Пошли, - мотнул головой Саша.

Мальчики торопливо вышли из дома и побежали, и, в ту же минуту за их спинами раздался строгий окрик Виктории:

- Саша, куда это ты собрался?

- Мама... – замялся мальчик, - мы с Серёгой...

- Иди немедленно домой, - грубо прервала его мать.

- Но мама...

- Я сказала, домой.

Сашка опустил голову, и, не глядя на Серёжу, послушно побрёл в ограду.

Серёжа нерешительно пошёл по улице, но тут он подумал, что Лена осталась дома совсем одна, и пошёл обратно. Уже дойдя до калитки, он всё же решительно развернулся и побежал в больницу. День был жаркий, мальчик измаялся от палящего зноя и устал, но упрямо продолжал бежать, ведь его любимой сестрёнке нужна была помошь.

Внутри фельдшерско-акушерского пункта было прохладно и немноголюдно. Три бабули чинно сидели на стульях и вели непринуждённый разговор. Серёжа облизнул пересохшие губы и прошёл в кабинет фельдшера.

- Тётя Ирина, - выпалил он с порога, - Лене плохо... Живот у неё болит.

Ирина Ивановна, записывая что-то в карточку сидящего перед ней мужчины, поинтересовалась:

- Что она сегодня ела?

От этого простого вопроса Серёжа поначалу опешил, но потом быстро нашёлся:

- Ничего не ела.
- Совсем ничего не ела? Даже утром?
- Одно варёное яичко.

Серёже очень не хотелось говорить про клубнику, иначе бы пришлось сознаться, что ягоды эти ворованы.

- Бедные дети, - вздохнула Ирина Ивановна. – Вчера к Погадаевым ходила, Женя в голодный обморок упала.
- Тётя Ирина...
- Мама-то на работе или дома?
- На работе мама с папой, - Серёжа нетерпеливо топтался рядом, и Ирина Ивановна так же тихо и спокойно сказала:

- Иди домой, Серёжа, я скоро приду. Вот только бабушкам уколы поставлю.
Мальчик выбежал на прогретую солнцем улицу и побежал домой. Во рту от жары стояла сушь и очень хотелось пить. А ещё немножко подташнивало и как-то подозрительно нехорошо урчало в животе. Пока он добрался до дома, с него семь потов сошло, и так ему хотелось свалиться на диван, рядом с Леночкой и отдохнуть. Он торопливо забежал домой и нашёл Леночку лежащей в коридоре на полу. Рядом растекалась вязкая красноватая лужа. Видимо, она не успела добежать до раковины, и её стошило прямо здесь. Обессиленная она свалилась на пол и потеряла сознание.

Серёжа ухватил сестрёнку поперёк туловища и потащил в комнату, кое-как уложил на диван и побежал убирать блевотину. Ирина Ивановна, казалось, не шла очень долго, и Серёжа, в беспокойстве, метался от окошка к окошку. Лена не издавала никаких звуков и он совсем извёлся от переживаний и страха. Наконец фельдшер пришла, и осмотрев девочку, озадаченно сказала:

- Я не знаю, что с ней такое, но её надо срочно везти в районную больницу.
- Так везите, - сквозь слёзы попросил Серёжа.
- На чём? Легко сказать «везите», - проворчала Ирина Ивановна и вышла из дома.

Она зашла к Громовым, и, поздоровавшись, спросила:

- Николай, не мог бы ты довезти меня до районной больницы. Лене Ситниковой плохо. Николай ничего не успел ответить, как Виктория, опережая мужа, сказала:

- Ирина Ивановна, он бы свозил, да у нас и бензина-то нет. Можно сказать, сухой бак. Женщина фельдшер взглянула на Николая, но тот только пожал плечами.

- Опять своего просить придётся, - вздохнула Ирина Ивановна и вышла.

Она торопливо пришла домой и повелительно сказала мужу:

- Заводи машину, ребёнка в больницу повезём.
- Не командуй, я тебе не извозчик.
- Василий, ребёнку плохо. Это не шутки.
- У нас вон курица цыплят вывела, куда её деть, не знаю.
- Курица?

Ирина Ивановна побежала определять курице с цыплятами место, стараясь сделать всё максимально быстро, не догадываясь, что судьба открыла ребёнку счёт уже не на часы, а на минуты. И эти драгоценные минуты таяли... таяли как восковая свеча. Лена Ситникова умерла на руках Ирины Ивановны, так и не дотянув до районной больницы.

Как голосила над гробиком дочки Мария, слышно было даже на соседней улице. Громко, навзрыд плакал Серёжа и вся их многочисленная родня.

А Виктория, едва узнав о смерти девочки, быстро отвезла своих детей в детский оздоровительный лагерь, решив, что неприятное событие может пагубно отразиться на их неокрепшей психике.

В дом Ситниковых во все комнаты ворвалась мёртвая тишина. Со странной температурой свалился в постель Серёжа. Он уже недели две ничего не говорил, почти не принимал

пищи, только пил воду и подолгу смотрел в потолок, напряжённо ловя в памяти, как полузыбкое сновидение белое, похожее на святочную маску, лицо сестрёнки. Он очень хорошо знал все звуки родного дома. Особенно звук двери. У него замирало сердце от страха, когда родители выходили из дома и исчезали почти на целый день. Тогда ему становилось невыносимо тоскливо. Раньше он был ответственным за Леночку, ему нравилось чувствовать себя старшим и заботиться о младшей сестрёнке. Теперь у него не было этой заботы и он, восьмилетний ребёнок, не знал, как ему жить дальше. Смерть Леночки вышибла его из привычной колеи. И сейчас он слабо барахтался на краю этой страшной, но вечно прекрасной жизни.

Мария, погружённая в своё материнское горе, не сразу обратила на Серёжу внимание. Не сразу поняла, что в свежем надломе дней ясно и холодно проглядывала смерть. Но когда сын отказался вставать с постели и на четырнадцатый день, её материнское сердце забило тревогу. Она присела на краешек его постели, и, целуя его бледное, родное лицо, с болью в голосе спросила:

- Серёженька, что с тобой? Мой птенчик, мой воробышок... Почему ты не хочешь вставать? Почему ты отказываешься кушать?

- Не хочу, - слабо прошептал мальчик.

- Надо, Серёженька... Надо кушать, чтобы вырасти большим и сильным, на радость папе и маме. А если... что-то с тобой случится, я не переживу...

От её слов, дрожащие губы сына сложились горькой подковой, из сжатого горла вырвался хриплый стон, а по щекам, крупными светлыми горошинами посыпались слёзы.

- Ты полежи немножко, я скоро приду, - пообещала мать, торопливо выбегая из дома.

Для мальчика вновь потянулись долгие жуткие минуты тишины и ожидания. Мария же прибежала к матери.

- Мама, Серёжка заболел, в больницу бы его надо отвезти. Ты не дашь денег, хоть немного?

- Маша, ты погоди панику-то наводить. Иди домой, а я дойду до Никодима Колдуна. Пусть он посмотрит Серёженьку. Он к детям-то ходит, и даже денег не берёт. Он тебе и скажет, надо его в больницу везти, аль нет. А я ему за визит десятка полтора яиц дам.

- Ой, не знаю, не знаю, - с сомнением пробормотала дочь.

- Зато я знаю. Сказала, иди домой... а я к Никодиму.

Никодим Поликарпович вошёл к Ситниковым по-прежнему высокий, с поредевшей, основательно тронутой сединой шевелюрой, но с хорошо развитой подвижной мускулатурой лица.

- Здравствуйте, Никодим Поликарпович, - несмело сказала Мария, оробевшая от того, что к ним в дом пришёл «колдун». - Сыночек у нас заболел... Серёженька...

- Здравствуй, Мария, - ласково и сочувственно проговорил Никодим Поликарпович. Подойдя к молодой женщине, он взял её за руку. - А дала бы ты мне, хозяйка, стакан воды.

- Воды?

- Да, простой воды из-под крана.

- Да-да, сейчас.

Мария налила из крана воды и поднесла её «колдуну». Тот что-то пошептал над стаканом и попросил женщину сделать из него три-четыре глотка.

- Мне пить?! - удивилась она. - Я думала, что это вы Серёженьке.

- Пей, пей...

Мария послушно отпила из стакана три крупных глотка.

- А сейчас, пойдём-ка, милая, я тебя умою этой водой. - Умывая Марию над раковиной, он всё время что-то шептал. - Ну вот, так-то лучше... Ты не утирай лицо полотенцем-то, не надо.

- Да я-то ничего, Никодим Поликарпович, я как-нибудь перемогусь...

- Тоска тебя гложет. От тоски я тебя и умыл.

- Да разве можно тоску водой смыть? Я теперь по своей доченьке всю свою оставшуюся жизнь тосковать буду.
- Тоска твоя будет уже не такой болезненной.
- Как же так получилось, Никодим Поликарпович? Говорят, вы всё понимаете, а я вот не могу понять, за что мне такое наказание? Или я плохая мать? Не смогла уберечь свою доченьку, не смогла, - всхлипнула Мария.
- Напрасно ты себя винишь, - сказал он, укоризненно покачав головой. – Человек, не сумевший предотвратить какое-либо несчастье, часто корит и винит себя. Но он не понимает, что всё, что должно случиться – случится в назначенный час.
- Но ради чего умерла моя доченька? – простонала Мария, и, закрыв лицо ладонями, горько-горько зарыдала.
- Ты не была плохой матерью для дочки, и душа её на тебя не в обиде. Она просто выполнила своё предназначение. А сейчас пойдём, я на мальчишку твоего погляжу. Мария завела его в небольшую, но в светлую детскую комнату, где на кровати, под тонким лёгким одеялом, лежал мальчик. Увидев вошедшего худого мужчину, Серёжа немного испугался. Он знал, что это «колдун».
- Ну и чего ты всё лежишь? – строго спросил Никодим Поликарпович. – Вставать с постели-то не собираешься?
- Собираюсь, - несмело пробормотал тот.
- Садись, разговор будем вести, - присаживаясь перед кроватью на табурет, велел Никодим Поликарпович.

Мальчик сел на кровати, свесив худенькие ножки, стеснительно и напряжённо улыбаясь. Лицо его было покрыто желтоватой бледностью, какая бывает у людей после длительной и тяжёлой болезни.

- Первый класс-то ты, говорят, уже закончил, а? А во второй пойдёшь?
- Пойду.
- Школу закончишь, потом в военное училище.
- Пойду, - прошептал Серёжа, чтобы не рассердить «колдуна».
- Вот и ладно, - сказал Никодим Поликарпович. – Полковником будешь, а?
- Буду, - сказал мальчик, робея, готовый согласиться на что угодно.
- А какой же из тебя полковник, если ты вон какой? Хилой...

У Серёжи от страха в глазах заблестели слёзы.

- Ну, ладно, не раскисай, - строго и, в то же время как-то тепло произнёс Никодим Поликарпович. – Мы сейчас с тобой вот что сделаем... чтобы стать большим и сильным полковником, надо выпить вот этого горького лекарства. Сумеешь? – «Колдун» достал из кармана пузырёк с тёмной жидкостью.
- Сумею, - тихо, почти одними губами прошептестя мальчик.
- Мария, - обратился «колдун» к хозяйке, - принеси-ка нам в стакане воды, чуть-чуть на донышке. – Затем, капнув воду примерно двадцать капель, велел Серёже выпить. – Пей быстро, большими глотками, потом ложись в постельку и сворачивайся калачиком, а завтра поднимайся и иди на улицу играть. Понял?
- Понял, - кивнул Серёжа.

Он, в каком-то решительном отчаянии, сделал два крупных глотка, и плюхнулся в подушку, поджимая коленки к подбородку. Лекарство «колдуна» горько обожгло рот и горло, и, дойдя до желудка, стало разливаться благодатным огнём по жилам, наполняя его худенькое тело жизненной энергией.

Никодим Поликарпович, покинув дом Ситниковых, хотел было идти к себе, но вдруг остановился около дома Громовых. Немного постоял, о чём-то раздумывая, и решительно толкнул калитку. Войдя в ограду, он увидел Викторию, которая поливала цветы. Старик подошёл к ней неспешной походкой и стал бесцеремонно её разглядывать. На изящном лице Виктории, с чуть расширенными скулами, дрогнул чёткий рисунок бровей,

выписанных двумя тонкими линиями. И это лицо молодой женщины, было лицом самой Смерти, избравшей образ ослепительной красоты.

- Это не помилование. Судьба отложила исполнение приговора, - сказал Никодим Поликарпович, не спуская с Виктории своих строгих глаз.

- О чём вы?! – недоуменно пожала она плечами.

Никодим Поликарпович видел, что женщина задала свой вопрос с искренним удивлением, считая, что правда на её стороне. В том, что дети нарывали ягод с чужого участка, - а это воровство – её вины нет.

- Красиво цветочки цветут, а скоро и ягодки созреют.

- Если вы имеете в виду ягоду «Викторию», она уже созрела.

- Нет, не созрела ещё твоя клубничка.

Этот необыкновенный человек, прозванный в народе колдуном, одинаково недоступный, казалось, для страха и для страданий, заставлял Викторию нервничать. Старик вроде бы ни на чём не фиксировал свой взгляд, но спокойно вбирая в себя окружающее пространство, не глядя ни на что в отдельности, видел всё вокруг.

- А если созрела, угости меня.

- Но... я обработала её.

- Принеси мне одну ягоду.

От вежливости Никодима Поликарповича не осталось и следа. Голос его стал сух, в нём послышались повелительные нотки, перечить которым Виктория не посмела. Выбрав ягоду, как можно более привлекательную, и, держа её двумя пальчиками за зелёную плодоножку, она протянула её старику.

- Сожми её в кулаке, - велел Никодим Поликарпович.

- В кулаке? Зачем?

- Сожми, я сказал.

Женщина положила ягоду на свою ладонь с наманикюренными пальчиками, но сжимать не стала. Тогда старик сам, обхватив её ладонь своими не по-стариковски крепкими руками, сжал её в кулак. Виктория ожидала, что вот-вот из раздавленной ягоды брызнет сок, и сквозь пальцы просочится сочная мякоть, но ничего подобного не произошло.

Когда через несколько секунд старик отнял свои руки, и она, раскрыв ладонь, тихо ахнула. Ягода была сухой и чёрной, и вскоре на её глазах рассыпалась, протекая сквозь пальцы вонючим чёрным порошком. «Что это? Что за чертовщина? Что за наваждение? Что всё это означает?» Но спросить об этом старика она так и не рискнула.

В данный момент Викторию беспокоили более насущные проблемы. Например, она думала, как бы её любимый отпрыск Сашенька не завёл дружбы с этим воришкой Серёжкой. Ничего путного из этой дружбы не выйдет. Научит ещё этот негодный мальчишка её честного сыночка плохому.

Но Саша с Серёжей, к огромной радости Виктории, друзьями не стали. Друзей у Саши было вообще ничтожно мало. Раз, два и обчёлся, а поведение «страдало» почти все десять лет его пребывания в школе. Поступить в высшее учебное заведение Саша Громов не смог, да и не горел желанием. Прямо со школьной скамьи он отправился в армию. За это время, вышла замуж и уехала из села его сестра Лена.

После армии у Саши желания учиться не прибавилось. Он стал перебиваться случайными заработками, а всё своё свободное время проводить в кругу отъявленных выпивох.

Пьянство сына начинало входить в привычку и действовать на нервы родителей. У Виктории же начались годы полнейшего хаоса, нервного напряжения и всё учащающихся приступов мигрени. Её сын стал некрасивым и неопрятным. Она несколько раз пыталась его женить, но часто небритый, с грязными ногтями, и, с красным, как крупная клубника носом, Сашка, как мужчина, был женщинам не интересен. От лицезрения его физиономии многим из предполагаемых невест делалось просто муторно.

2022 год. Николай, давно не чувствовавший себя в этом доме хозяином, самоустранился от всех семейных неурядиц. Он научился держать себя в руках – даже если его душила

дикая ярость, в глазах у него не выражалось ничего. Все домашние дела по хозяйству он взвалил на себя – даже доил корову – лишь бы его не трогали, не втягивали в свои разборки жена и сын. А Сашка, если не болтался где-то со своими дружками-событильниками, с утра до вечера зависал в интернете.

Однажды на его имя пришёл немалый счёт. Оказывается, он залез на платный порно сайт «Клубничка», и Виктория, забыв о том, что в подобных обстоятельствах у неё должна болеть голова, отхлестала сына веником. Весть о том, что Громовы продали корову, чтобы выплатить этот постыдный долг, по селу разлетелась быстро.

Сашка, после грандиозного разноса матери, ненадолго остынился. Недели три он держался без алкоголя, а потому злился на всех; на родителей, на начальника, что попёр с работы, на весь мир. В нём появилось то болезненное, беспринципное раздражение, которое, как комочек, возилось где-то в груди, готовое в любую минуту бурно вылиться даже на самого близкого человека – мать. Неумело скрывая приступы агрессии, он валялся на диване с сенсорным телефоном в руках, в котором тоже всё было скучно, серо и убийственно плоско, как всё в родительском доме и во дворе. Так Сашка с утра до вечера не выходил из своего «приюта страданий», всем своим видом показывая, что его никто не понимает, а он, молча, гибнет.

- Саша, ты хоть сегодня умывался? – спросила мать, как-то заставшая его поздно вечером у холодильника, который ел колбасу, кусая прямо от целой палки.

Его малоподвижное лицо не выразило никаких чувств. Казалось, ему просто скучно совершать каждодневную процедуру умывания. И только иногда, в его глубоко запавших глазах вспыхивала необъяснимая тоска.

- Зачем? – вяло спросил сын и в тупом раздумье, почесал затылок.

Виктория вздохнула; спорить с великовозрастным дитятком было бесполезно. В свои тридцать шесть лет сын опустился, как говорится, ниже плинтуса. Больше не сказав ни слова, она ушла в свою комнату.

Наследующий день Сашка Громов ушёл из дома и снова надолго затерялся. Все эти бурные дни он «болел» по третьей степени. А когда его «болезнь» кончилась и он заявился домой, то, как всегда после длительного запойного приступа, он чувствовал себя омерзительно. В таких случаях он становился особенно нетерпимым: придирился к первому встречному, грубо хамил родителям, лез в драку, провоцируя на неё своих же дружков-событильников.

Измаявшаяся Виктория, перебравшая все возможные и невозможные воздействия на сына, не нашла ничего лучшего, чем сходить к «колдуну» Никодиму Поликарповичу, у которого был уже более чем солидный возраст – девяносто семь лет. Но, не смотря на это, Никодим Поликарпович был ещё при ясном уме и памяти. Жил он по-прежнему на краю села, в такой же ветхой от старости, как и сам хозяин избе.

Погода в этот день выдалась тёплая, по-настоящему весенняя. Утром немного подморозило, а к полудню зашумели ручьи, на взгорках от земли были видны испарения. Виктория прошла около ряда тихих, опустевших домов, с чёрными глазницами окон. Лишь кое-где печальной улыбкой в окнах мелькали тюлевые шторы. Это означало, что жильцам этих домов некуда было ехать. Наконец, она дошла до избы «колдуна». Толкнула калитку и вошла. Постаревший и поседевший, без единого тёмного волоса в голове, хозяин сидел на лавочке у дома. На нём была ватная телогрейка, а на ногах отопки – старые, со срезанными голенищами валенки. Его тяжёлые узловатые руки мирно покоялись на коленях.

- Здравствуйте, Никодим Поликарпович.

- Здравствуй, – отозвался старик. – Вроде Виктория... Громова...

- Да, я.

- Садись рядышком.

Виктория подошла, и, прежде чем сесть, старик успел окинуть её внимательным взглядом. В ней не осталось ни следа женственной привлекательности. Измученная этой жизнью,

она была не ухожена: волосы не уложены, глаза припухли, губы, потеряв естественный блеск, стали бесцветными. Она присела на лавочку, рядом со стариком и горестно спросила:

- За что мне всё это?

- Будто не знаешь за что?

- Вся моя жизнь прахом. Дочь уехала и на глаза не кажется, - словно не слыша вопроса Никодима Поликарповича, Виктория начала жаловаться на свою проблемную жизнь. – Сын совсем опустился... пьёт и пьёт. А почему пьёт? Чего ему в жизни не хватало? Я ведь всё для них делала. Разве я для Саши счастье не создавала?

- Ты? Счастье создавала? – грозно и обличающе заговорил старик. – Ты отравила счастье своего сына.

- Как? Никодим Поликарпович, прошу вас, не говорите загадками. Объясните мне доступными словами.

- Доступными словами? Ну, что ж... слушай. Ты помнишь дочку своих соседей, которая умерла по твоей вине?

Оторопев от слов старика, Виктория не посмела опровергнуть это обвинение.

- А ведь она была предназначена судьбой твоему сыну. Девочка бы выросла, получила бы хорошее образование и стала бы доброй женой твоему сыну. Но вся твоя лживая сущность была против этой семьи, против этих детей, против этой светлой девочки. И так как ты её отравила, ты и только ты могла её спасти. Так решили Высшие Силы. Но ты не соизволила сделать даже этого. Трижды... трижды ты отвергала знаки и подсказки судьбы. Первый раз, когда к тебе прибегал парнишка с просьбой позвонить и позвать врача. Ты не позвонила... Второй раз, когда твой сын Сашка изъявил желание помочь, ты велела ему идти домой. Ну, и в третий, когда к твоему мужу обратилась фелшарица – опять вмешалась ты, и не позволила ему ехать. Так чего ж ты хочешь теперь? Спокойной жизни? Не дождёшься. Ягодки уже созрели, тебе остаётся только собирать урожай.

Виктория вдруг горестно расплакалась навзрыд.

- Если вы знали всё это, почему не сказали мне ещё тогда?

- Я-то знал, а вот тебе знать об этом тогда не полагалось. А сейчас самое время.

- Я так устала от такой жизни. Я больше не могу.

- Изменить уже ничего нельзя. Пьющий сын – это наказание тебе. Именно тебе, а не сыну. Он-то не понимает за что страдает, Да, и в какой-то степени он... не страдает, потому-то и не испытывает ни угрызений совести, ни стыда. Хотя любой человек должен сам осознать свои ошибки, свои грехи, все свои оплошности. Сам должен внутренне изменить себя в лучшую сторону. Высшие Силы давали тебе шанс, ты им не воспользовалась. А Сашка? Что Сашка?.. Это отдельная тема. Возможно, высшие силы и ему предоставят шанс исправиться. Только воспользуется ли он им? Вот вопрос... Ну, а сейчас, иди домой. Дома ждёт тебя очень неприятный сюрприз.

Виктория шла по улице на ватных ногах, понимая, что домой ей идти вовсе не хочется.

Широкая, ещё по-весеннему голая улица, омытая отшумевшими ливнями, была безлюдна. Она торопливо вошла в ограду. Вот она любимая рябинка у окна, крылечко из трёх серых от времени ступеней. Ноги у Виктории подгибались, а нервы были натянуты, как скрипичные струны. Из дома доносились пьяные грубые крики сына, и пренебрежительный тон мужа, который, видимо и взвинтил Сашкины нервы до предела.

- Да подожни ты в своём грёбаном колхозе вместе с матерью, никто не обрыдается.

Виктория вошла и увидела страшную картину: Сашка грубо толкнул отца и тот, охнув и, схватившись за сердце, грузно упал на пол...

- Коля! Коля! – Виктория бросилась перед ним на колени, приподняла его голову.

Николай Громов задыхался и был уже не в силах произнести ни слова. Буквально через три минуты, он умер.

Виктория была в очень плачевном состоянии, и организацию похорон взяли на себя соседи Ситниковых. Все эти дни Сашка был беспробудно пьян. А на горячем поминальном обеде, выпив и потыкав в нос кусочком хлеба, он заговорил плаксивым голосом:

- Одни мы с тобой, маманя, остались... совсем одни, - и надолго замолчал, ловя исчезающую нить мысли.

Потом он морщился и тяжко вздыхал, реагируя на боль в правом боку. Это давала знать о себе печень, измученная обильным потреблением горячительных напитков.

Елена с мужем, приезжавшая на похороны отца, даже не стала дожидаться девятого дня. Она уехала к себе домой, а мать осталась наедине со своими неразрешёнными проблемами. Она, опустив руки, смирилась с пьянством сына. Смирилась с тем, что Саша, каждый раз уносил из дома что-нибудь на пропой. В последнее время ей часто, и во сне, и наяву, стала мерещиться чёрная ягода, лежащая на ладони. Она распадалась и чёрным порошком просачивалась сквозь пальцы. Всё вышло так, как предсказывал «колдун» - всё пошло прахом.

Исчезли из чешской стенки хрустальные вазы и фужеры, фарфоровые сервизы и серебряные вилки. Исчезли со стен ковры, а из шкафов шубы из натурального меха.

Виктория молчала, так как в припадке бешенства сын стал поднимать на неё руку. Она хорошо помнила, как вцепившись в норковую шубу, и, собираясь отнять её у сына, получила ощутимо-болезненный тычок в грудь. Она тихонько, как побитая собачонка завыла, и начала оглядываться в поисках пути к отступлению. Сын грозно на неё надвигался. Виктория съёжилась от страха и забилась в угол. Ей и прежде приходилось терпеть неприятные выпады со стороны пьяного сына, но сейчас угроза в его голосе была совершенно очевидной. Ткнув кулаком её ещё раз, он ушёл.

В доме Ситниковых, как и много лет назад, всё было расставлено по своим местам.

Каждый предмет мебели, каждая вещь знала своё место. В каждой комнате стояла идеальная чистота и порядок, но было тихо, как в музее.

Где-то в конце июня, Мария поднялась ни свет, ни заря, завела большую квашню и принялась жарить котлеты.

- Ты чего это в такую рань соскочила? – спросил, вышедший из спальни муж.

- Сон сегодня хороший навидела. Должно, сын в гости с семьёй приедет.

- А-а, - усмехнулся по-доброму муж. – Ну, раз ты навидела вешний сон, пойду, свои снасти рыбачкие в порядок приведу.

Сергей Иванович Ситников и в самом деле ехал к родителям в гости на новенькой «Ладе», со всем своим семейством. Он, как и предсказывал Никодим Поликарпович, окончил военное училище, и сейчас имел звание капитана. На малую родину он приезжал каждое лето.

В молодости Сергей любил читать фантастику, особенно про огромную вселенную, где астронавты летали в необжитых парсеках космоса, окружённые чудовищным холодом. Они тратили каждую минуту своей жизни только целесообразно и делали исключительно умные и правильные вещи. А с годами Сергей невольно задумался о том, что даже если жизнь на земле и не единственна, - наша голубая планета тепла, уютна и прекрасна. Она чудо природы, и это чудо нужно охранять и беречь. И особенно то единственное место на земле, которое мы зовём малой родиной. Тот самый родительский дом с гнездом ласточек у карниза, рябину в ярких гроздьях поспевших ягод, озеро за огородами с прозрачно-чистой водой, голубой и спокойный ситец небес, как его удивительно красиво назвал Есенин. Такое не разлюбишь и не забудешь. Это родное – Родина. Летай хоть в каком хочешь парсеке космоса, открывай любые сказочные миры, но Родина будет манить и притягивать всегда. Пока живы родители, пока стоит на широкой деревенской улице, с белыми ставнями, старый родительский дом.

Сергей, заглушив мотор, остановился. Дети шумно выскочили из машины; восьмилетний сын Ванюшка и пятилетняя Леночка. Им навстречу уже спешила бабушка Маша. Она обняла и расцеловала внучат, затем обняла невестку.

- А у меня будто сердце чуяло, так и думала, что вы приедете. Приснился ночью добрый, ясный сон.

- Чуяла, говоришь?.. Вот и попробуй вам сюрприз устроить, - смеялся Сергей, входя в калитку.

Двигался он легко и небрежно, так и лучась жизнерадостностью. С отцом он поздоровался за руку, а вот мать обнял и поцеловал.

- А кто вещи из машины выносить будет, и подарки бабушке с дедом? – спросила невестка и дети, выбежав за ограду, принялись выгружать из багажника пакеты и сумки.

К Сергею подошёл Сашка Громов.

- А, Серёга?! Здорово, сосед, здорово. С приездом, с прибытием, - здороваясь, Сашка долго тряс его руку. При этой тряске качался вихор его давно не мытых, нечёсаных волос, а на рыхлом лице подрагивали одутловатые щёки.

- Здорово, Санёк, - давя в себе неприязнь к Громову, произнёс Сергей.

- Как дела? Как житуха?

- Неплохо.

- Всё ещё в капитанах ходишь? В сорок-то лет, глядишь, и майором уже будешь, а?

Ребятишки растут, жена хорошеет... Всё пучком? Всё тип топ?

- Да, Санька, всё хорошо. Всё нормально...

Сергей двинул было в распахнутую калитку, но от пьяного Громова не так-то просто было отделаться. Он схватил ускользающего собеседника за локоть, и торопливо заговорил снова:

- Ну и хорошо, Ну, и Слава Богу... Живёшь и живи себе, - он долго вилял и пробирался сквозь ненужное многословие к интересующему его вопросу. - Может того, - он щёлкнул себя по кадыку, - отметим встречу?

- Ты же знаешь, я не пью.

- А я пью? Вишь, никто не наливает... Дай хоть сотню на пивасик.

Сергей, протягивая бывшему соседу и однокласснику сто рублей, строго заметил:

- Санька, последний раз.

- Понял... Понял, Серёга, - и торопливо зашагал в сторону магазина.

Сергей стоял и смотрел ему вслед, на его квадратную сутуловатую спину, на его широкий, не мужской зад, и ему казалось, что это шагает неуклюжая зажиревшая баба. Вздохнув, он вошёл в калитку.

- Папа! Смотри, я курочек кормлю, - закричала Леночка, и, захлебываясь от восторга, она рассказала отцу о своей проявленной необычайной смелости.

- Хозяюшка, - похвалила её бабушка Маша.

- Бабина помощница, - подхватил бабкину похвалу и дед. – Сегодня отдыхайте, а завтра на рыбалку пойдём.

- Деда, ты же обещал позаниматься со мной на баяне, - сказал Ванюшка.

- Будет сделано, Иван Сергеич, позанимаемся. Способности у тебя незаурядные. В музыкальный-то кружок без прогулов ходишь?

- Да, деда, без пропусков.

Дом Ситниковых ожил, но ненадолго. Через двадцать дней Сергей с семьёй уезжал домой. Они грузили в багажник машины вещи, банки с различным вареньем и соленьем, бабушкины пироги и солёно-копчёное сало.

У дома Громовых, расположившись прямо на траве, сидела пёстрая, разномастная компания. Они выпивали и говорили громко, наперебой. Из калитки вышел Сашка с глубокой тарелкой в руках. В тарелке была клубника. Она по-прежнему росла у Виктории, но неухоженная и не прополотая, она росла теперь, как ей вздумается. Ягоды, хоть и были сочные и спелые, но такими крупными, как раньше, они уже не были.

- Угощайтесь, дамы. Господа, вы позволите? – высокопарно произнёс Сашка, ставя тарелку на зелёный травяной ковёр.

Дамы, две толстые приурковатые бабы, заряжали громким прокуренным смехом. Топики и джинсы грубо обтягивали их тучные телеса. Открытые части их разжиревших тел, некрасиво свисали складками и выглядели так неженственно и уродливо, что Сергею даже смотреть на них было противно.

- Уезжаешь, Серёга?

- Уезжаю, Санька. А у вас пикник?

- Да вот... пикник на обочине, - расхохотался пьяным смехом Сашка.

«Господа» и «дамы» рассмеялись вместе с ним, даже не зная, над чем. Навряд ли они слышали о братьях Стругацких и когда-либо читали их знаменитое фантастическое произведение.

Сергей коротко хмыкнул. Он не счёл шутку Громова смешной. Родители, суетясь около машины, прощались с внуками и невесткой. Они как будто вышли на новый уровень жизни, переживая вторую, по душевному подъёму зрелость.

Из калитки Громовых, на непослушных ногах, вышла Виктория. Она, который день недомогала. Болезнь её тянулась уже долго, но почти незаметно, с длительными периодами ремиссии и наконец, накрыла крепко. Узнав, что к соседям приехали внуки, она вышла, чтобы угостить их клубникой. «Пусть лучше дети съедят, чем эти хабалки», - решила она. Однако, слабые после болезни ноги, плохо повиновались своей хозяйке.

Запнувшись обо что-то, она вскрикнула и тяжело рухнула на колени. Из пиалы вылетела и откатилась в сторону одна единственная ягода, остальные чудом уцелели. Виктория, не сумев подняться, горько и беспомощно расплакалась. К ней тут же бросился Ванюшка.

- Не плачь, бабушка, не плачь, миленькая. Всё будет хорошо. Всё заживёт, - торопливо говорил мальчик. - Давай, я тебе на синяк подую.

И, действительно, стряхнув с руки Виктории землю, подул на неё. И Виктория, так всегда хотевшая добра своему сыну Сашке, и не сумевшая дать ему этого добра, впервые поняла, как она перед ним виновата.

- Спасибо, родненький, - пробормотала она, чувствуя тот прилив нежности и любви к мальчику, словно это был не чужой Ванюшка, а её родной сын Сашенька. Дрожащей слабой рукой она погладила его по голове, а сердце её сжалось от боли. Ванюшка Ситников, доверчиво отзававшийся на её ласку, как раз и пробудил в ней чувство вины перед сыном. Протянув пиалу с ягодами мальчику, она ласково сказала:

- Угощайся, Ваничка.

- Спасибо, бабушка.

- Леночка, - позвала Виктория белокурую красивую девочку. - Ешьте, они чистые, я их помыла.

Ах, как она была хороша, эта спелая сочная клубника! Но здесь, на первом месте вовсе не вкус и не редкость такого изысканного лакомства. На первом месте – Добро, взращённое и чудом сбережённое в душе любого ребёнка. Если есть в человеке хоть капля Добра, значит, есть и Надежда.

